МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ
ВАЛЕРИЙ РОЩИН
МАРШ ОБРЕЧЁННЫХ

Валерий Рощин

Марш обреченных

Серия «Морской спецназ»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=594825
Марш обреченных: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-47413-4

Аннотация

Неудачно сложилась жизнь у подполковника морской пехоты Аркадия Сереброва после выхода в отставку. Никак не может он приспособиться к новым реалиям постсоветской жизни. А тут еще тяжело заболела жена… Где взять денег на лечение? Неожиданно появляется офицер ФСБ с предложением принять участие в одной сверхсекретной и крайне опасной операции. За это он обещает морпеху приличные деньги. Но есть условие: Серебров должен сам набрать команду. Подполковник созывает своих боевых друзей, таких же отставников, как и он. Старые вояки охотно соглашаются участвовать в операции, еще не зная, какие испытания им уготованы…

Содержание

Часть I 4
Пролог 4
Глава первая 11
Глава вторая 19
Глава третья 32
Глава четвертая 45
Глава пятая 55
Глава шестая 64
Часть II 76
Пролог 76
Глава первая 82
Конец ознакомительного фрагмента. 90

Валерий Рощин
Марш обреченных

Часть I
Удачное знакомство

Пролог

Абхазия
Август 1992 года

– Тихо, как на кладбище, – жует сухую травинку капитан Супрун.

– И тревожно, – выражает свою точку зрения снайпер. – Будто нас кто-то здесь поджидает…

Группа из десяти крепких мужчин в камуфляже, с «эрдэшками», оружием и полным боекомплектом поднялась по неглубокой балке от грунтовой дороги к подножию Каманского монастыря, что находится в лесистой пойме Западной Гумисты. Там, откуда они пришли, разворачивалась настоящая война между абхазцами и грузинами, а здесь действительно было очень тихо.

– Аркадий, надо бы осмотреть развалины, – кивает

Супрун на ощетинившиеся черными оконными проемами остатки каменного здания. Будучи по специальности подрывником, Илья Супрун всегда отличался повышенной бдительностью.

– Так и сделаем, – отвечаю старому другу, – мне тоже пожить охота.

Да, охота. Тем более, в штабе намекнули: из округа пришел приказ о присвоении очередного звания. Лишняя звезда на погонах – всегда приятная весть.

Отправляю две пары разведчиков. Одну в развалины, другую для проверки густых зарослей на краю лесистого склона. Этот лес – последнее препятствие, отделяющее нас от монастыря.

Ждем.

Через несколько минут слышится короткий двойной свист, извещающий о чистоте первого «объекта». Группа быстро выбирается из овражка и бегом устремляется к пролому в каменной стене.

Всё. На месте. В том смысле, что дальнейшие вылазки удобнее всего производить из старых развалин. Географически они расположены в самом центре того района, где предположительно пропал генерал-майор из Министерства безопасности Российской Федерации.

Теперь дожидаемся ушедшей в лесочек пары и приступаем к следующему этапу. А пока неплохо бы с помощью оптики обозреть окрестности.

Назначаю дозорных, остальным разрешаю покурить; сам же подбираюсь к противоположной стене и вынимаю из чехла бинокль…

Дозорные секут в разные стороны; трое молодых парней сбрасывают с плеч ранцы и падают на них. Лица чумазые, с бороздками от стекавших капель пота по слою белесой пыли. Люди не устали, но довольны неурочной передышкой. Они знают: пройдет несколько минут, и последует очередная команда.

Прапорщик Сергей Матвеев бросил курить несколько лет назад, потому, усевшись на обломок упавшей стены, вынимает из целлофанового пакета промасленную тряпицу и усердно протирает снайперскую винтовку. Занимается он этим делом по пять раз на дню и такого же трепетного отношения к оружию требует от подчиненных.

Три офицера обосновались неподалеку от меня.

– Неплохое местечко выбрали монахи, – подает голос Супрун.

– Девять километров до Сухуми, одиннадцать до моря, – капитан Куценко стягивает светло-серую бандану.

Он промокает косынкой лицо, шею, руки. Отжимает и снова повязывает на почти лысом черепе. В штабе бригады уже с месяц ждут приказ о его переводе в Новороссийск на должность заместителя командира батальона морской пехоты. Потому и решил Борька Куценко в последний раз прошвырнуться в горы – попрощаться с нами в боевой обста-

новке.

Самым странным парнем в нашей компании был и остается Юрка Белый. В армию пошел вовсе не по зову сердца, а попал случайно. Как признавался он сам, вариантов имелось два: тюрьма или военное училище. Выбрал второе. Удивительным образом совмещает службу с коммерцией – посылает в столицу гонцов за товаром и разбрасывает его по соседним с гарнизоном «комкам». До сих пор ходит холостым, иногда покуривает травку, читает мутную литературу. Однако обязанности исполняет справно, товарищей не подставляет и отличается отчаянной смелостью.

Так получалось, что мы впятером: я – майор Серебров, капитаны Супрун, Куценко, Белый и прапорщик Матвеев – всегда отправляемся на операции вместе. Сработались, притерлись, доверяем друг другу. Остальной контингент именуется «волонтерами» и варьируется в зависимости от сложности и особенностей задания.

Осмотревшись, опускаю бинокль.

– Сейчас дождемся гонцов, разобьемся на пары и дружно разойдемся в разные стороны: Супрун на север, Куцый на юг, Белый на восток, я – на запад к монастырю.

– А я? – удивленно глядит на меня прапорщик.

– А ты с молодым волонтером останешься здесь. В случае ахтунга прикроешь прицельным огнем.

Моя рука тянется к плечевому карману, из которого торчит короткий огрызок антенны портативной радиостанции.

Разведчиков давно не слышно, и я намерен их поторопить.

Вдруг из лесочка раздается хлопок. Раскатистое эхо, отражаясь от противоположного склона, многократно повторяет резкий звук. Бойцы, не сговариваясь, бросаются к пролому в южной стене и, застыв, смотрят на поднимавшийся от зарослей дымок.

Через секунду тишину распарывает треск двух коротких очередей. Стреляют там же – в лесу. Для нас это означает одно: разведчики напоролись на одно из армейских подразделений грузинской армии, что незаметно окружают Сухуми с востока и севера. И теперь нас интересует одно: какова численность тех, с которыми придется вступить в бой?

Над ущельем снова повисает тяжкое, давящее и зловещее безмолвие…

* * *

В первые дни этой войны грузинские мародеры грабили и убивали жителей Абхазии. Позже абхазцы мстили мирным грузинам. Все на красивой благодатной земле перепуталось, все перемешалось.

Мое подразделение морской пехоты прибыло к сухумскому берегу на большом десантном корабле «Константин Ольшанский». Задачу командование поставило предельно простую: спасти от смерти максимальное количество мирных жителей. Все равно, какой национальности, вероисповеда-

ния, пола, возраста и политических убеждений. Просто спасти. А для этого их надо было вывезти из ада, устроенного грузинскими военными в райском месте под названием Абхазия.

Что ж, вывезти, так вывезти, задача не самой высшей тактической сложности. Тем более что другой возможности выбраться из пекла у людей нет – несколько дней назад упал сбитый «Ту-134», вылетевший сюда из Сочи, следом та же участь постигла «Ту-154», следовавший рейсом Тбилиси – Сухуми. А вчера бомбы изуродовали взлетно-посадочную полосу аэродрома и последний действующий «Як-40»…

БДК «Константин Ольшанский» мог принять на борт четыре тысячи беженцев, в то время как на берегу их скопилось не менее двадцати пяти. Я со своими ребятами занимал рубеж обороны на двух прилегающих улицах, когда к нам подбежал неизвестный гражданин в сопровождении старшего помощника командира БДК.

– Отойдем в сторонку, майор, – позвал старпом.

Отошли.

Гражданский развернул удостоверение:

– Полковник Министерства безопасности Кононов.

– Майор Серебров. Чем обязан?

– Срочно нужна помощь вашего подразделения.

– А конкретнее?

– Необходимо разыскать в горах высокопоставленного сотрудника из Москвы. Мы не можем допустить, чтобы он по-

пал в руки грузинских военных.

– Что за сотрудник?

– Генерал-майор Горчаков. Вот его фото, – показал он небольшую фотографию с документов. – Невысокого роста, худощав, сорок два года.

– Поможем. Если сможем. Где искать?

– Он отдыхал в военном санатории РВСН. Несколько дней назад ушел в пеший поход к северу от Сухуми. О начавшихся боевых действиях, скорее всего, знает, но прорваться сюда по лесам и ущельям не рискует.

– Куда именно ушел генерал?

– В Каманы. В сторону монастыря Святого Иоанна Златоуста.

– Ясно, – вздохнул я и, вернувшись к своим, назвал девять фамилий.

Глава первая

Краснодарский край, Новороссийск
Наше время
10 июля

Погодка выдалась на редкость отвратительной: с моря на город наступала низкая облачность, сильный порывистый ветер осыпал редких прохожих противным мелким дождем. Да еще вдобавок резко похолодало, что было особенно неприятно после затяжной тридцатиградусной жары.

Наверное, сейчас, в такую погоду, я представляю собой невероятно жалкое зрелище. Потрепанного вида мужчина лет сорока пяти ежится от холода и беспрестанно поправляет на голове капюшон старенькой болоньевой куртки. Из-под непослушного ворота выглядывает спортивка «адидас», купленная на базаре у азеров еще при Горбачеве. Раздолбанные штиблеты на босу ногу насквозь промокли и издают жалобно-хрустящие звуки. Изредка доставая из внутреннего кармана початую бутылку водки, я делаю изрядный глоток «для сугреву». И упрямо торчу в темном местечке меж двухэтажных домов – осторожно высунув голову из-за угла, наблюдаю за странной троицей молодых людей.

Я засек их на другой стороне улицы минут пятнадцать назад. Вначале взгляд безразлично скользнул по фигурам куда-то спешащих парней и вновь с безнадежной скукой при-

нялся выискивать островки на асфальте, огибаемые потоками дождевой воды. И вправду, что необычного в припоздневшейся компании? Торопливая походка, легкие темные куртки с поднятыми капюшонами, спрятанные в карманы руки и слегка сгорбленные фигуры…

Однако что-то заставило сбавить шаг и присмотреться повнимательнее. Перепрыгивая через лужи, ребятки почти бегом пересекли небольшую площадку перед высоткой и нырнули под козырек над дверью отделения Сбербанка, что с недавних пор располагался в первом этаже новенького жилого дома.

«Кажется, в той освещенной нише недавно установили эту бронированную штуковину… как ее, господи?.. Банкомат!» – останавливаюсь я посреди тротуара. И очень скоро мой интерес к троице многократно возрастает. Хлебнув водки, я делаю последнюю затяжку, выбрасываю раскисший окурок, пересекаю проезжую часть, занимаю удобную позицию для наблюдения между старыми двухэтажками и радостно думаю: «Вот она – долгожданная встреча! Не подвела меня интуиция… Давненько я предчувствовал фарт и ждал момента!»

То, как подозрительные личности подбирались к банкомату, лишь подтвердило предположения. «Будут вскрывать», – смекнул я, глядя на молодцов, кравшихся вдоль стены к камере слежения. Оказавшись под камерой, самый высокий что-то подносит к объективу, стоя неподвижно с поднятой рукой и хищно посматривая по сторонам. А двое приятелей,

не теряя времени, вынимают из сумки инструменты и принимаются курочить автомат по выдаче денег.

– Удачно мы встретились, – шепчу и тоже окидываю взглядом округу.

Из-за непогоды и позднего времени народу на темной улице нет, а если в пределах видимости и маячит чья-то фигура, то опасаться не стоило. Любой прохожий сейчас помышляет только об одном: побыстрее оказаться дома.

Решительно допив остатки спиртного, я аккуратно ставлю пустую бутылку на асфальт и вытираю губы рукавом:

– Повезло мне сегодня! Повезло!..

* * *

Итак, я – Аркадий Сергеевич Серебров. Подполковник запаса, военный пенсионер. Полна грудь орденов и регалий; медицинская книжка из-за ранений и контузий сравнима по объему с «Апостолом» Ивана Федорова.

В моей внешности нет ничего выдающегося, за исключением крепкого телосложения и отсутствия мизинца на левой ладони. Рост под сто девяносто, от нужды и полуголодной жизни – ни грамма лишнего веса. Темноволосый, со смугловатой кожей и непримечательным лицом; лишь у глаз сетка тонких морщинок, да небольшой косой шрам от щеки до шеи – память о пощадившем жизнь осколке.

Оказавшись выброшенным на обочину жизни, я столк-

нулся с реалиями нового бытия. Трудно было в первые месяцы, после того как комиссовали из армии. Очень трудно! Да и сейчас, по прошествии нескольких лет, я до конца не смирился с потерей профессии офицера морской пехоты. Не помогло возвращение в родной город, где окружили заботой родители; не спасала и близость любимого человека – жены Ирины, не предавшей и не оставившей меня в тяжелую пору.

Я не любил вспоминать те первые месяцы гражданской жизни.

Еще не оклемавшись после жуткой контузии и не привыкнув к изуродованной ладони, заполучил новый сюрприз. Семья бедствовала, и мы с Ириной почитали за счастье любой заработок. Оттого она и обрадовалась, случайно отыскав место кондуктора на городской автобусной линии. А в один из летних дней в ее автобус на огромной скорости врезалась милицейская машина; пострадавших было пятеро – двое ментов, двое пассажиров и Ирина. Поначалу травма показалась пустяшной – ушиб спины средней тяжести. Все говорили: ерунда, скоро пройдет. Однако через пару месяцев начались проблемы с позвоночником. Не желая тратиться на лечение своего работника, начальство с радостью оформило молодой женщине отпуск по болезни, и мы зачастили по бесплатным врачам и поликлиникам. Однако состояние Ирины ухудшалось с каждым днем; на лечение требовались немалые деньги, а найти достойную работу мне не удавалось…

Я пытался одолжить денег на лечение Ирины у государ-

ства или у коммерческих банков, но… Взять кредит в нашей стране – все равно что наложить в штаны при минус сорока: поначалу даже тепло, а потом… Оттого и не гнушался никакой работы: возил на базары тележки с чужим товаром, охранял по ночам торговые центры, ездил по соседним городам экспедитором… И был обречен на промахи – проворные «бизнесмены» всюду кидали, подставляли, обманывали. Несколько раз не выдерживал и ломал обидчикам челюсти, да большого проку от срывов не поимел. Лишь нажил неприятности в районном отделе милиции, где обитала «крыша» все тех же новоявленных нуворишей. Дважды обходилось: отоспавшись в камере, вновь обретал свободу. А на третий – завели уголовное дело. Во время следствия и завязались новые знакомства, благодаря которым научился тонкостям незаконных ремесел.

Следствие шло лениво – к судному дню минуло четырнадцать месяцев. Потому приговор к одному году исправительных работ означал освобождение из-под стражи. Однако возвращение на свободу омрачило известие о том, что из-за страшных болей в позвоночнике жена окончательно слегла. Срочно нужны были деньги, а с клеймом судимости мечтать о нормальной работе уже не приходилось.

И я решительно взялся за новое дело…

* * *

«Вскрытие» проходит удивительно быстро – видать, ребятки занимаются тихим грабежом не впервой. Я и предположить не мог, что солидные и неприступные с виду громоздкие устройства, капитально встроенные в стены зданий, при определенных навыках взламываются за пятнадцать минут. Собственно, откуда мне было знать о крепости сих денежных ящиков? Кредитных карточек никогда не держал, банковских счетов отродясь не заводил. С трудом зарабатываемые гроши тратил на лечение Ирины, а с голоду не подыхал благодаря военной пенсии…

Однако сейчас не до технологий ограбления: согласно родившемуся плану, мне надлежит поднапрячь мышцы ног и не упустить удачу. А это представляется самой сложной задачей: парням лет по двадцать, мне – сорок пять. И не дай бог те включат пятую скорость.

С площадки перед высоткой взломщики свалили столь же молниеносно, как и появились – я едва не потерял их из виду. Сохранять дистанцию помогают кратковременные остановки: перед тем как нырнуть за угол или пересечь очередную освещенную улочку, молодые люди замедляют ход, прижимаются к стенам и осторожно осматривают участок пути. Молодцы – прям настоящие бойцы разведроты.

Тяжелое дыхание после выпитой водки превратилось в

сплошной хрип, к тому же слегка прихватывает сердце. Не то что бы очень, но я начинаю ощущать каждое его сокращение…

Спасает очередная остановка. Сплевываю тягучую слюну, делаю несколько глубоких вдохов и довольно усмехаюсь – лихая «поросль» привела меня в знакомый с детства район. Здесь мне известны все закоулки и новостройки, все проходные дворы.

– Отлично! – шепчу пересохшими губами, выяснив, в какой те нырнули переулок.

И, перемахнув через забор, бросаюсь кратчайшим путем наперерез.

Поджидаю добычу, присев в темноте за мусорным баком. Вскоре в арке под старинным кирпичным домом слышатся торопливые шаги.

Первого паренька сбиваю ударом ноги. Второй в испуге шарахается в сторону, но своевременно пойман за куртку и тотчас, с ускорением описав дугу, влетает физиономией в металлическую стенку бака. А вот третий пускается наутек в обратном направлении – я лишь провожаю его взглядом, в душе надеясь на то, что денежный улов остался у одного из валявшихся на асфальте напарников.

Один из них держится за печень и жадно глотает ртом воздух. Опустившись возле него, обшариваю карманы. Пусто.

Другой после приличного удара об мусорную емкость вообще лежит неподвижно.

– Не помрет, – бормочу, ощупывая одежду.

Ага, вот и заветная пачка! Купюры достоинством в тысячу, пятьсот, сто и пятьдесят рублей.

Сунув деньги в карман и заметно повеселев, торопливо шагаю к забору и исчезаю в темноте небольшого дворика…

Глава вторая

Краснодарский край, Новороссийск
13 июля

Однажды я посещал ресторанчик с романтическим названием «Морской конек». Случилось это с год назад, когда посчастливилось сорвать куш в две с половиной тысячи долларов.

Последние пару дней я нахожусь в хорошем расположении духа, оттого и завернул в питейное заведение. Большая часть содержимого банкомата роздана родственникам и знакомым в качестве погашения долгов. На остальное куплены впрок дорогие препараты для жены и оплачено назначенное обследование. Еще я обновил семейный гардероб и забил продуктами холодильник. Чуток отложил на прожитье, а остатки улова решил банально пропить. Просто счел нужным расслабиться – устал, да и нервы были натянуты до предела.

Внутри ресторана мало что изменилось. Тот же интерьер, то же тусклое освещение, те же молчаливо мельтешащие официанты. Кажись, только шторы на больших окнах стали поярче. Впрочем, в прошлый раз изрядно здесь накушался – алкоголь размыл в памяти все мелкие детали.

Сегодня я выгляжу неплохо. Ровная стрижка, чисто выбритое лицо; недорогой, но приличного вида костюмчик; но-

венькие модельные туфли.

Обосновавшись за свободным столиком у колонны, дожидаюсь официанта, делаю заказ. И по истечении получаса наслаждаюсь ароматами рыбного ассорти, карпаччо из филе морского лосося под соусом песто с лесными орешками, котлетками из молодого барашка на косточке в пряном маринаде и с печеными овощами. Посредине кулинарного изобилия высится хрустальный графин с исключительно мягкой на вкус водочкой.

– Э-эх! – крякаю, пропустив первую рюмашку. – Хорошо пошла!

Вилка цепляет нежный кусочек малосольной форели, а рука снова тянется к графину…

Спустя час графин опустел, закуски поубавилось. Зато настроение поднялось до высшей за последние несколько лет отметки. Откинувшись на спинку стула, я довольно икнул, подпалил сигарету и обвел затуманенным взором полутемную залу…

Шумные компании расположились в дальнем углу – за длинными столами, а вокруг слегка возвышающейся эстрады обосновалась публика побогаче. За соседним столиком потягивали коньячок двое солидно одетых мужчин: один – вида непримечательного, другой – в темных очках и с густой черной бородой. Чуть подальше, у соседней мраморной колонны, в компании двух молоденьких девушек вальяжно развалился директор центрального городского рынка. Имен-

но в его владениях мне пришлось корячиться целый год – катать тележки с мясными тушами. Родом жирный скряга был откуда-то с Кавказа – то ли дагестанец, то ли чеченец. Весил центнера полтора, одевался в самые дорогие костюмы и ужинал исключительно в ресторанах. Сволочь.

Припомнив изнурительную работенку за скудное жалованье, я вздохнул, плеснул в рюмку остатки водки, выпил; заскреб вилкой по пустой тарелке… Потом обернулся и решительно махнул рукой официанту.

– Значит так. Принеси-ка мне еще водочки, – приказал я молодому человеку.

– Сколько желаете?

– Такой же графинчик. И хорошей закуски. Что тут у вас есть из фирменного?

– Холодные блюда или горячие?

Оглянувшись по сторонам, опять натыкаюсь на владельца рынка. И, кивнув в его сторону, тихо уточняю:

– Что в блестящей тарелочке у толстяка?

– О! Это замечательное блюдо – фуа-гра из гусиной печени, – доверительно сообщает официант. – Наш шеф-повар готовит его по рецепту парижского ресторана «О труа гарсон». К столу оно подается холодным.

– Тащи. Посмотрим, что жрут эти толстожопые твари…

* * *

Благодушие враз отлетело, когда все тот же стремительный паренек подал счет, заключенный в узкую кожаную обложку. Настроив резкость, я долго вникал в написанное и не мог сосчитать количество цифр в итоговой сумме под косой чертой. Сосчитав же, помрачнел и полез в карман за деньгами…

– Ч-черт, не хватает, – чешу затылок. – Держи две с половиной тысячи, а остальное принесу завтра утром. Договорились?

Официант безучастно смотрит сверху вниз, не спеша соглашаться или отказывать.

– Ну, хочешь, оставлю в залог паспорт? – снова шарю по карманам.

– Не знаю. Сейчас переговорю с шефом, – надменно пожимает тот плечами и направляется «за кулисы».

Появился он довольно скоро, но не один, в сопровождении двух крепких мужичков с бейджами охранников на рубашках. Ни слова не говоря, те хватают меня за шкирку и заставляют принять вертикальное положение. При этом швы только что купленного пиджачка жалобно трещат.

Такого к себе отношения я стерпеть не мог.

Нет, свою неправоту я конечно же понимал и действительно собирался раздобыть до утра недостающую тысячу.

Взять из заначенных на прожитье или у кого-то перехватить – жители одноэтажного квартала всегда помогали друг другу. Потому и воспринял сие поведение сотрудников охраны как непозволительную грубость. Однако сопротивляться не стал – лишь с сожалением посмотрел на недопитую водку и под насмешливыми взглядами нетрезвой публики послушно засеменил в сторону фойе с заломленными за спину ручками…

В фойе я меняю маску покорного грешника на боксерский шлем и хорошо поставленными ударами укладываю обоих на пол. А дальше под изумленные взгляды все той же публики возвращаюсь в зал. Ха, граждане! Вы что же, думали – я попрошу у них книгу жалоб и непристойных предложений?! Не дождетесь. Мы сами с усами.

Усаживаюсь на прежнее место и с вожделением тянусь к графинчику…

Остолбеневший владелец рынка, позабыв о девках, даже хлопнул внеочередную рюмку. А два солидных мужичка, наоборот – отставили бокалы. Тот, что помоложе, немедля встает и быстрым шагом направляется в фойе, а, вернувшись, что-то тихо говорит бородатому приятелю. После чего оба с интересом смотрят на меня, вероятно, ожидая развития скандала…

И долго им ждать не пришлось.

Едва я закусил водочку нежной гусиной печенкой, как в питейном зале появилось подкрепление в виде четырех

молодцов. Младенческие, не подпорченные разумом лица, квадратные фигуры, вес каждого за сотню… При взгляде на этот квартет сама собой напрашивается мысль о клонах или зомби.

Народец вокруг затихает. Я же тороплюсь влить в себя последний алкоголь, плещущийся на дне графина.

– Спасу от вас нет, – ворчу, вставая из-за стола. – Будь я воротилой с рынка – с радостью открыли бы мне бессрочный кредит. А с нищего готовы последнюю шкуру содрать. Козлы…

Опираясь одной рукой о спинку стула, покачиваюсь и виновато улыбаюсь, то ли заранее признавая позорное поражение, то ли гадая о последствиях стычки с серьезным противником. Первый же из противников приближается сбоку и находится уже в трех шагах.

Решаю покончить с этим цирком и по-человечески, а не с позором удалиться из ресторана. Потому вторично за вечер перевоплощаюсь из в сиську пьяного мужичка в собранного бойца. Сделать это трудновато, но необходимо. Иначе затопчут и превратят в отбивную.

Почти без замаха бью в пах не ожидавшему подвоха амбалу. Тут же крутанувшись, наношу короткий удар в подбородок второму – охранник охает и падает на колени. Третий получает серию ударов по корпусу с завершающим хуком в голову; отлетев назад, он сгребает с ближайшего столика скатерть.

Последний в растерянности останавливается на безопасной дистанции, выхватывает пистолет и, выпучив налитые злобой глазищи, целил мне в голову…

Оружие, вероятно, травматическое, но откуда об этом знать сидевшим поблизости женщинам – они реагируют моментально, издавая слаженный хоровой визг.

Надвигавшуюся катастрофу предотвращает все тот же солидно одетый мужчина, что проведал в фойе первую пару поверженных хлопцев. Подлетев к вооруженному молодцу, он показывает какую-то ксиву и заставляет спрятать оружие. Спустя минуту инцидент был исчерпан, а раненых и пострадавших живенько эвакуировали с поля боя…

– Итак, сколько вам задолжал этот господин? – допрашивает мужчина официанта.

– Одну тысячу сто шестьдесят рублей, – отвечает тот.

Незнакомец протягивает купюры:

– Держите. И будьте любезны, принесите нам еще водки…

* * *

– Что, с сердцем нелады? – настороженно интересуется спаситель.

– Нет, все нормально. Так… прихватило чуток. Ерунда.

– Смотри. А то у меня и валидольчик имеется.

Я закидываю в рот крохотный огурчик и, смачно захрустев, отмахиваюсь – дескать, не обращай внимания.

– Ну, откуда этим дуракам знать, что я тридцать лет занимался единоборствами? – продолжаю прерванный разговор.

– Тридцать?

– А то! Со второго класса школы осваивал бокс, с пятого – самбо. А с первого курса училища постигал азы всех экзотических видов смертоубийства. Что с оружием, что без него – все едино. А ты, случаем, не в Рязани учился?

– Нет, – усмехается новый знакомец, – я другие бурсы заканчивал.

– Понятно. Так вот, нас в десантном училище, видать, нарочно гоняли до седьмого пота, до полного изнеможения. Чтоб на самоволки, баб и водку сил не оставалось. Да-а, нагрузочки давали – будь здоров! Это я только последние пару лет разленился, к тому же и времени на поддержание формы не остается. Но, как говаривали у нас в спецназе, навыки не пропьешь!

– Это верно, – смеется Станислав.

Его бородатый товарищ исчез сразу, едва я затеял разборку в ресторанном зале. Сам же он, представившись Станиславом Львовичем Барковым, пересел за мой столик.

Он лет на пять младше меня; среднего телосложения, ростом под сто восемьдесят. Внешность располагающая: открытое гладковыбритое лицо частенько озаряется лучезарной улыбкой; приятный голос звучит завораживающе, слова проговаривает четко – без знаменитого кубанского говора.

Официант притаранил заказанную выпивку с закуской, и

меж нами потекла размеренная беседа. Я быстро распознаю в собеседнике родственную военную душу – откровенничать тот не торопится, но, судя по выправке и кое-каким приметам, лямку тянет в спецслужбе или в серьезной закрытой конторе.

Мы стремительно переходим на «ты» и непринужденно говорим на самые разные темы. Отныне даже толстопузый кавказец – владелец рынка – посматривает на меня уважительно и с опаской.

– Расскажи о себе поподробнее, – осторожно просит Станислав.

– О чем?

– Где угораздило потерять палец.

– А, ты про это, – показываю искалеченную ладонь. – Давняя и долгая история.

– А куда торопиться? Кабак закрывается в три ночи – времени целая прорва, да и деньги на выпивку имеются.

– Что-то я перебрал сегодня с выпивкой, – трогаю левую сторону груди и поднимаю рюмку: – За здоровье раненых, за свободу пленных и за красивых женщин! Ладно, слушай…

* * *

– В первом бою я тоже чуть не наложил в штаны от страха – это случалось со многими. Потом к опасности привыкаешь, как привыкаешь лишать жизни других. Поначалу ду-

маешь: неужели смогу убить человека? А потом понимаешь: либо ты, либо тебя. Третьего не дано, – заканчиваю долгий рассказ и, не дожидаясь собеседника, опрокидываю в рот очередную рюмку.

Рассказ выходит обстоятельный: от момента поступления в Рязанское десантное и до выписки из госпиталя после сильнейшей контузии с ранением, в результате которого я потерял часть ладони, а потом был уволен из Вооруженных сил. Изредка я замолкал, отворачивался и печально смотрел куда-то сквозь стены, в бесконечное пространство. Вспоминал молодость, товарищей… Ведь какими бы тяжелыми ни сложились те давние годы, а все равно они были самыми лучшими в жизни.

– Детей, значит, нет? – напоминает о себе Барков.

– Нет. Поначалу страсть как хотели, а сейчас… Может и к лучшему, что не родили.

– Понимаю. Значит, нормальную работу не нашел из-за отсутствия пальца?

Я молча беру в покалеченную ладонь блестящий столовый нож и кручу им так, как оркестровый ударник крутит барабанную палочку. Вращение получается настолько быстрым, что вместо ножа над столом сияет сплошной диск.

– Ого! – вскидывает брови знакомец.

– После госпиталя я год разрабатывал ладонь. Даже комплекс специальных упражнений придумал. Рука восстановилась и работает лучше прежней. Так что дело не в ней.

– Это тоже память о Чечне? – кивает Станислав на шрам.

– О ней.

На эстраде меняется состав – вместо современной группы выходят трое: пианист, скрипач и певица. После первого же исполнения старинного романса камерное трио срывает бурю оваций…

Барков вдруг придвигается ближе, наклоняет голову с густой шевелюрой и щурит левый глаз. Голос его делается хрипловато-резким:

– Послушай, Аркадий… ты не хотел бы принять участие в одной операции?

– В какой?

– Ничего особенного с точки зрения твоей бывшей профессии. И, поверь, ничего криминального – акция разрабатывалась в аппарате ФСБ.

– Странно… А почему «контора» не поручит ее выполнение своему спецназу? Помнится, ребята там служили неслабые.

– Я объясню и суть, и мельчайшие детали, но вначале мне нужно получить от тебя принципиальное согласие.

Я прилично пьян, однако даже это не мешает включить максимальную осторожность – слишком много набил шишек за последние годы, чтобы доверять первому встречному и очертя голову бросаться в очередную авантюру. Потому с ответом не тороплюсь.

– Тебе же нужны деньги, не так ли? На лечение жены, на

приличную квартиру, которую ты, безусловно, заслужил. На нормальную жизнь, в конце концов, – гнет свою линию Станислав. – Я всего лишь предлагаю исправить несправедливое отношение сволочных и бездушных чиновников.

Я молчу и мучительно гадаю: «А не ошибся ли я? Может быть, предвещавшая большую удачу интуиция указывала не на молодцов, вскрывших банкомат, а на встречу с этим человеком? Не упустить бы по-настоящему фартовый миг! Надо бы потянуть время: взять передышку, протрезветь и обмозговать ситуацию посвежевшей башкой».

– А сумму, поверь, ты получишь астрономическую! Этой суммы с лихвой хватит на лечение позвоночника твоей жене в самой дорогостоящей европейской клинике. И еще останется на покупку квартиры с машиной…

– Да, деньги нужны. Очень нужны! Но мне необходимо подумать. Не прогулку же за грибами предлагаешь.

– Нет, не прогулку. Но ты ведь и до сего дня находил средства не в лесу, верно? Если не ошибаюсь, закон тебе приходилось нарушать частенько.

При этом он пристально посмотрел мне в глаза. Я тянусь к пачке сигарет, закуриваю… И, выдыхая табачный дым, зло цежу:

– А ты сумел бы прокормить больную жену и престарелую мать на пенсию в триста баксов? Только прокормить! Я уж не говорю о лечении.

– Не заводись – я ж не осуждаю, – лезет Барков в карман

пиджака. Достав из бумажника визитку, кидает на стол: – Держи. Но ты уж извини – времени на размышление много не дам. Если в течение суток надумаешь – позвони. Я жду.

Глава третья

Краснодарский край, Новороссийск
14–15 июля

Весь последующий день я промучился похмельем – водки накануне и в самом деле было выпито многовато.

Поднявшись с постели к полудню, опустошил припасенную баночку пива. Не помогло. Четверть часа постоял под холодным душем – окончательно проснулся, но голова продолжала трещать по швам. Гремя на кухне кастрюлями, мать напряженно молчала. И, дабы избежать ее косых взглядов, вызванных поздним явлением в непотребном виде, я решаю выбраться из дома.

Проглотив пару таблеток аспирина, направляюсь в клинику, где уже пару дней на очередном обследовании находится Ира. Это обследование ей назначили несколько месяцев назад, однако денег до недавнего времени попросту не было.

Добравшись до клиники, отгороженной от бойкой улицы чугунным забором и широкой каштановой аллеей, ныряю в калитку. Отыскав нужное окно в первом этаже, стучу. Ходила Ирина медленно – каждое движение причиняло боль. Появившись в проеме через минуту, приветливо улыбнулась и махнула рукой в сторону входа…

– Здравствуй, солнышко, – обнимаю в коридоре жену. – Извини, я сегодня налегке.

– Ничего страшного. У меня остались и фрукты, и молочные продукты, – опирается она на мое плечо. – Как у тебя дела? Что-то ты неважно выглядишь.

Честно признаюсь:

– Водки вчера выпил – расслабился немного.

– Ну и правильно. Чего сердце-то напрягать – и так весь на нервах. Давай сегодня здесь посидим – в холле…

Помогаю Ирине сесть в кресло, устраиваюсь рядом и украдкой вглядываюсь в бледное лицо жены.

Она точно подмечала любое изменение в моем настроении или состоянии здоровья, но сама при этом едва сдерживала стоны при малейшем неловком или резком движении. Способность ходить она не потеряла только благодаря нашим изнурительным и долгим занятиям: дважды в день (утром и вечером) я массировал ее ноги, помогал делать пассивные упражнения. Кроме того, по мере возможности доставал и изучал специальную литературу о травмах спинного мозга. И, вероятно, к сегодняшнему дню знал о стволовых клетках и о последних достижениях медицины в этой области не меньше местного невролога. Месяц назад наткнулся в одной из газет на рекламу московской клиники профессора Андрея Брюховецкого – тот творил чудеса и ставил на ноги безнадежных. Однако расценки на услуги оказались заоблачными.

– Что с обследованием?

Глядя в окно на буйно цветущую зелень, Ирина отрешен-

но шепчет:

– Знаешь, чем отличается тетраплегик от параплегика?

– В общих чертах.

– Параплегик парализован ниже пояса. А тетраплегик – полностью…

Легонько сжимаю ее ладонь и повторяю вопрос:

– Что говорят врачи?

– Ничего нового. Сомневаются, думают, ждут… Сегодня я случайно услышала разговор в ординаторской. Один из врачей сказал, что из четырех градаций, на которые классифицируются подобные случаи, мне уготована последняя. И что через несколько недель мой спинной мозг уже не будет функционировать, не сможет управлять ни одной конечностью. То есть, очень скоро проснувшись таким же солнечным утром, сама я не поднимусь с постели…

Осторожно обнимаю ее, целую в щеку.

– Этого никогда не будет. Я что-нибудь придумаю. Я обязательно раздобуду денег, и тебя прооперируют…

Последние фразы, сказанные Ириной, долго не выходят из моей головы. Она постоянно мерещится сидящей в инвалидной коляске: и пока я наедине разговариваю с доктором, и пока иду пешком из клиники, и когда взволнованно хожу по крохотной квартирке…

Врач передал мне ксерокопию заключения, перечень показаний для нейрохирургического вмешательства, два экземпляра типового договора с уже внесенными фамилиями

и общим счетом за медицинские услуги. Сумма набежала внушительная, но, по словам доктора, без операции рассчитывать на выздоровление Ирины бессмысленно.

Поздно ночью я просыпаюсь, будто от резкого толчка. Несколько секунд бешено вращаю глазами, пытаясь сообразить, где нахожусь и который час. Придя в себя, нащупываю ступнями тапочки.

Рядом с кроватью что-то упало, покатилось. Включив небольшую лампу в изголовье, увидел бутылку с остатками водки. Пнув ее, плетусь на кухню к водопроводному крану – во рту и в горле сухо, в брюхе горит…

После демобилизации такое случалось часто: во сне я будто разговариваю с собственной совестью. Точнее, оглашаю обвинительную речь. А та, загнанная в угол прямыми и бьющими наотмашь фразами, оправдывается.

– Меня угораздило родиться и жить в удивительной стране! Ей вечно чего-то не хватает, и вечно находится раздражитель – вне границ или в собственной утробе. Она постоянно ищет врагов и с кем-то воюет! – рублю наотмашь.

А совесть еле слышно отвечает:

– Ну, ты же сам говорил: когда в руках власть – нечем взяться за ум.

– Мне не до шуток.

– Понимаю. Тем не менее ты – часть этой страны. И ты один из тех, кто считает ее великой. А великая держава не может жить со всеми в мире – это аксиома. Кроме того…

ты никогда не произносил этого вслух, но всегда был уверен: автократические режимы обязаны иметь внешнего врага, чтобы крепла поддержка изнутри. И это – тоже незыблемое правило.

– Слишком много правил для простого офицера морской пехоты. И слишком заумно. Но я всегда был на ее стороне и помогал в любых начинаниях. Прошел все горячие точки, побывал в плену, заполучил две контузии, четыре пули и два осколка. И ни разу не усомнился в ее правоте! Почему же она меня ненавидит и относится как к пасынку – как к лишнему рту в семье?!

– Не будь мелочным, ведь государству некогда заниматься каждым в отдельности.

– Я ощущаю себя отработанным материалом. Мной воспользовались: отняли лучшие годы, лишили сил, выжали до капли всю кровь и выбросили на свалку – за высокий забор. И теперь я могу себе позволить только одно: взирать сквозь щелку забора на блеск и великолепие жизни, построенной за мой счет. Я надеялся, что родина излечит мою израненную душу, даст глотнуть свежего воздуха и сменит пропитанный пóтом мундир на свеженькую гражданскую сорочку. А на самом деле мне вкололи сильное обезболивающее и обрядили в смирительную рубашку…

Странные диалоги с виртуальной совестью могли продолжаться часами. Они утихали, когда воспаленная память, выпущенная сном на свободу, внезапно подбрасывала давно

позабытый сюжет; или разгорались снова и мучили до пробуждения. И так происходило почти каждую ночь.

Напившись воды и вернувшись в комнату, останавливаюсь посреди комнаты.

– Есть такое слово «НАДО»! Ключевое слово в любом подвиге. Или глупости.

Я нахожу наш единственный с Ириной сотовый телефон – старенький, с быстро садившимся аккумулятором. Кажется, на счету еще остаются какие-то деньги. Затем вынимаю из бумажника визитку, на которой строгим шрифтом выведено «Барков Станислав Львович, полковник» и трясущимися пальцами набираю номер…

Тщетно. Данные на раздумье сутки минули, и новый знакомец на звонки не отвечал.

– Сука, – бросаю аппарат на стул, – всего-то и просрочил два часа. Ну и овощ тебе в помощь!..

Ощупываю левую сторону груди, прислушиваюсь к сердцу…

Потом допиваю содержимое бутылки и, рухнув на подушку, забываюсь мертвецким сном.

* * *

А рано утром я никак не желаю просыпаться. Кажется, меня долго расталкивала мать, потом плеснула из чайника холодной водой. Лишь после этого я продираю глаза и оша-

рашенно лепечу:

– Опять, что ли, дождь?

– Вставай, Аркадий! – требовательно шепчет она. – Там человек пришел и уж полчаса дожидается.

– Какой еще человек?

– А я знаю? Представительный, хорошо одетый. Вежливый!

– Да? – скребу небритую щеку. – Ладно. Щас только умоюсь. И это, мам… сооруди чайку.

В небольшой комнате, именовавшейся залом, заложив руки за спину, расхаживает Станислав Львович.

– О, проснулся? – улыбнулся он моему появлению.

– Да. С петухами сегодня не вышло, – пожимаю протянутую ладонь.

– Извини, что ночью не ответил на звонок – не мог. Решил вот утром заехать.

– А-а… откуда ты узнал, что это я звонил? И как нашел, где живу?

– Обижаешь, дружище, – смеется гость. – Или забыл, в каком ведомстве я работаю?

– Ах, да. Присаживайся. Сейчас мама нам чайку принесет.

– Мы можем здесь спокойно поговорить? Дома, кроме мамы, никого?

– Никого. Жена в клинике на обследовании. Говори без проблем.

Барков терпеливо дожидается, пока хозяйка ставит на

стол две чашки чая и возвращается на кухню. Сделав первый глоток, спрашивает:

– Ты ведь согласен принять участие в операции, верно?

– Согласен.

– Отлично. Скажи, тебе нравилась профессия офицера морской пехоты?

– Еще бы! Жаль только, что она не слишком-то универсальная.

– Это как понимать?

– Предположим, летчики, моряки, химики, строители и другие узкопрофильные специалисты, уволившись из армии, могут пристроиться и на гражданке. Было бы здоровье с желанием.

– Ты прав – бывшим спецназовцам на гражданке приходится довольствоваться охраной и работой в частных структурах безопасности. Так вот, Аркадий, я предлагаю дело, напрямую связанное с хорошо знакомой тебе спецификой, но хочу предупредить: справиться одному будет невероятно сложно. Поэтому позволь сначала спросить: остались ли у тебя знакомые коллеги, столь же, мягко говоря, не устроенные в жизни?

– Конечно.

– Пожалуйста, перечисли человек пять: возраст, звание, фамилии, специальности, где проживают.

Морщу лоб, чешу затылок и начинаю вспоминать:

– Прапорщик Матвеев Сергей Павлович, возраст – пять-

десят с небольшим, живет в Ставропольском крае, отличный снайпер. Майор Куценко Борис Иванович, служил командиром роты, в год моей демобилизации перевелся заместителем командира батальона морской пехоты, надежный товарищ, мастер спорта по плаванию…

– По плаванию? – переспрашивает фээсбэшник.

– Да. Пару лет даже попадал в сборную ЦСКА.

– Отличная кандидатура. Продолжай.

– Борьке около сорока пяти; после увольнения осел где-то под Ростовом, но слышал, будто уезжал в Штаты на ПМЖ, через полгода вернулся. Давно с ним не виделись; телефон есть – могу позвонить и уточнить.

Замолкаю, пристально глядя сквозь открытое окно на залитый солнцем двор.

Полковник мягко напоминает:

– Эти люди пригодятся нам. И мы вытащим их из небытия – обещаю. Нужны еще двое.

Виновато смотрю на собеседника:

– Остальных, увы, нет в живых: кто погиб в Чечне, кто умер после дембеля, кто спился и влачит жалкое существование. Могу предложить еще одного человека, правда… В общем, это мой лучший армейский кореш – майор Супрун Илья Алексеевич. Сорок три года, в спецназ попал после Калининградского инженерного училища; незаменим в делах, касающихся мин и прочих взрывных устройств. Но дело в том, что он… Короче, он не подходит.

– Почему?

– В зоне Илюха. Попал по дурости в какой-то переплет, а точнее – просто подставили. Получил три с половиной года в колонии-поселении. Так что не подходит.

Допив чай, Станислав уверенно говорит:

– Подходит. Коли твой Супрун хороший подрывник – он нам подходит.

– А как же быть с зоной? Ждать, пока выйдет?

– Где он, говоришь, сидит?

– Под Новороссийском. Полчаса на автобусе.

– В Верхнебаканском поселке?

– Точно. Ездил я туда раза три, посылочку ему передавал.

– Вот и хорошо – обстановку уже знаешь.

– Что-то я тебя не пойму…

– Колония-поселение в Верхнебаканском несерьезная. Насколько я помню, туда направляют за примерное поведение. А рецидивистов и убийц там не держат; охраны мало – кому охота бежать, если срок два-три года?

– Ты в своем уме, Станислав? Ты хочешь, чтобы я организовал побег?! Да и согласится ли Сапа…

– Не кипятись. Я же не предлагаю брать зону штурмом и отстреливать охрану – силовые методы нужны в исключительных случаях.

Изумленно гляжу на собеседника, путаясь в догадках и мучительно отыскивая верное решение. Страсть как хочется подзаработать денег! И в то же время пугает перспектива

вляпаться в серьезную авантюру и основательно увязнуть в преступной трясине.

Заметив мой взгляд, Барков смеется:

– Почему такая реакция, Аркадий? Ты ведь еще в ресторане признался, что не брезговал темными делишками.

– Какими делишками! – возмущаюсь в ответ. – Ну, подлавливал по ночам любителей легкой наживы и всяких там гопников, притворяясь пьяным.

– Факт остается фактом: рожи рихтовал, карманы чистил. Значит, нарушал закон. Верно?

– Ну, рихтовал, ну, чистил. Да разве с них много поимеешь? Всего-то пару раз и повезло…

– Расскажи об этих случаях подробнее.

– Зачем?

– Расскажи. Не стесняйся. Это нужно для дела.

Помедлив, я все же повествую о давней схватке с тремя бандюганами, один из которых оказался лидером преступной группировки и имел при себе немалую сумму в баксах. А потом в красках обрисовал историю ограбления банкомата и погони за молодыми парнями.

Фээсбэшника этот рассказ изрядно повеселил.

– Кстати, – вдруг вспоминаю один из моментов ограбления, – двое из них курочили автомат – это понятно. А какого хрена третий все это время торчал с поднятой рукой под камерой наружного наблюдения?

Усмехаясь, Станислав лезет в карман. Выудив сотовый те-

лефон и нажав пару кнопок, поворачивает экран.

– Смотри.

– Что за фигня?.. – гляжу на сплошную рябь из помех.

– Специальная получасовая запись. Включаешь, подносишь вплотную к защитному стеклу камеры и держишь, пока твои сообщники осуществляют задуманный план. А охранники любуются на эту рябь и знай себе матерятся на неисправности в системе.

– Ух, ты! Ловко придумано! – оцениваю изобретение и опять подозрительно изучаю ресторанного знакомца.

– Нет, Аркадий, я на самом деле являюсь офицером Федеральной службы безопасности, – заверяет тот и показывает удостоверение: – Вот мои документы, проверь…

Машинально беру ксиву, читаю разворот. Все верно – полковник ФСБ.

– Просто должность с родом деятельности обязывают знать многое, – поясняет он. – И поверь, твое будущее задание никоим образом не связано с уголовщиной. Я даже ознакомлю тебя с текстом боевого распоряжения. Но об этом поговорим позже, а сейчас скажи мне вот что… Тебя разве не интересует общая сумма вознаграждения за участие в операции?

– Почему же? Очень даже интересует. Но мне важно поскорее получить аванс. Сам знаешь, для чего.

– Знаю. Но аванса не будет. Жену мы твою положим на обследование в очень хорошую клинику – к самым лучшим

врачам. Это я тебе гарантирую. Серьезное лечение требует и серьезной подготовки. В общем, у тебя есть время не торопясь заработать на ее операцию. А вначале надлежит собрать группу надежных людей. Подумай хорошенько, как без шума вытащить из зоны подрывника. Ну и я помогу, если что: где советом, где технически. Это и будет твоим первым заданием – посмотрим, на что вы с Супруном способны.

Глава четвертая

Краснодарский край,
Верхнебаканский рабочий поселок
17–18 июля

Прозвище Сапа родилось много лет назад. То ли от военной специальности «сапер», то ли от фамилии Супрун – никто из друзей толком не помнил.

Над планом спасения старого товарища я раздумывал ровно сутки. Идея родилась довольно быстро, но по мере шлифовки деталей я все отчетливее осознавал одно: без помощи Баркова воплотить ее в жизнь не удастся. Потому созваниваюсь и договариваюсь о встрече.

– Что ж, неплохо, – выслушав меня, оценивает фээсбэшник. – Немного денег я тебе дам. Поезжай, поговори со своим приятелем. Если согласится бежать – передай сотовый телефон. А машиной обеспечу накануне побега…

Илья Супрун слыл в бригаде спецназа интеллигентом. Инженерное образование, родители из научной элиты, тысячи прочитанных книг – все это в какой-то мере накладывало отпечаток на поведение и образ жизни. Матерился крайне редко, умело сохранял ровные отношения со всеми; в разговоре иногда употреблял малопонятные, но жутко красивые фразы, заставлявшие коллег чесать затылки и уважительно

помалкивать.

С женой Анной они жили хорошо, дружно; растили дочь и сына. Уволившись из армии, Илья поселился с семьей в небольшом городке близ Черноморского побережья. Долго мыкался с сертификатом по инстанциям, пока наконец через суды не выбил халупу в старой хрущевке. Чему, впрочем, несказанно обрадовался – до этого чиновники всех мастей лишь обещали и обманывали.

Ну а дальше все складывалось, как у меня: бесконечные поиски работы, редкие мгновения удачи и опять сплошь обман и невезение… Подфартило, как показалось, однажды – два года назад устроился в только что организованную фирму, занимавшуюся экзотическим способом сноса старых построек – подрывом с использованием промышленного тротила. Поначалу все было чин чином: лицензия, разрешающие документы, техника безопасности, курсы (хотя чему там могли научить подрывника с двадцатилетним стажем?)… И вдруг через полгода, словно эхо от десятка произведенных взрывов, грянула проверка из краевого центра. И закрутилась карусель: сначала административное дело с арестом счетов фирмы, с допросами; следом – уголовное…

Супрун слабо разбирался в тонкостях Уголовно-процессуального кодекса, послушно являлся по повесткам в прокуратуру и в конце концов превратился из свидетеля в одного из обвиняемых. В итоге на скамью подсудимых усадили троих: главного бухгалтера, инженера по технике безопасности

и старшего мастера подрывных работ Илью Супруна. А генеральный директор – основной махинатор и потомственный ворюга (сын бывшего мэра) – успел обналичить огромную сумму и благополучно смыться в неизвестном направлении.

Колония-поселение под Новороссийском мало походила на то, что принято называть зоной. Забор вокруг территории имелся, но – никакой многорядной колючки со слепящими прожекторами, никаких вышек с хмурыми автоматчиками и рвущих в злобе поводки собак. Да и сам заборчик не отличался неприступной высотой.

В колонию я приехал утром, часам к одиннадцати. Как и положено, заявился к дежурному – молодому прапорщику в «леликах» с толстыми стеклами, сидевшему за стеклом проходной. Поздоровавшись, предъявил документы и вкратце обрисовал цель своего визита.

– Заполните форму, – пропихнул тот в окошко бланк. – И к вечеру подойдете.

– А сразу встретиться нельзя?

– Его отряд работает на объекте вне учреждения. Их привезут только к ужину.

Отдав заполненный листок очкарику, я потоптался на крыльце, глянул на часы. И отправился в центр городка.

* * *

Друга привели на свидание в восемь вечера. Усталый и осунувшийся, но в чистенькой робе, Сапа расплывается в улыбке и крепко меня обнимает.

– Здоро-ово, Аркадий Сергеевич! – тянет он, похлопывая по моей спине. – Здорово, ветеран! Совсем не изменился – такой же подтянутый и стройный.

– Привет, Илья Алексеевич! Это жизнь впроголодь заставляет форму держать…

Усаживаемся по обе стороны единственного стола в небольшой комнатушке для свиданий, устроенной здесь же – по соседству с дежурным помещением. Выуживаю из сумки заранее купленные гостинцы: блок сигарет, две пачки чая, баночку растворимого кофе, мыло, зубную пасту. Все это, прежде чем впустить в комнатушку заключенного Супруна, очкастый прапорщик осмотрел с дотошностью любопытной старухи.

– Ну, зачем?.. – смущается Илья. – Разбогател, что ли? Или нашел работу с приличной зарплатой?

– Да ладно тебе – тут покупок на три сотни, – кручу головой в поисках камер или микрофонов.

Заметив это, приятель смеется:

– Бог с тобой! У них на всю зону полтора компьютера родом из прошлого века, а ты жучки ищешь! Кого тут прослу-

шивать? Одни активисты, да паиньки вроде меня.

– Паинька… Дай такому ящик тротила, и вместо паиньки выйдет черт.

– Что-то ты какой-то озабоченный. Или случилось что?

– Есть парочка проблем…

– Не с Ириной ли?

– Операция Ирине срочно нужна. А денег, сам знаешь – только на жратву и хватает.

– Догадываюсь.

– Мне, конечно, всегда охота с тобой повидаться, поболтать за жизнь, молодость вспомнить. Но сегодня, Илья, я примчался по другому поводу.

– Выкладывай.

– Есть одно соображение. А точнее, способ прилично заработать, – перехожу к делу. – Тебе сколько осталось париться?

– Меньше года – десять месяцев с копейками.

– А мысли о дальнейшем устройстве имеются?

Тот с тоской во взгляде разводит руками, из чего я уясняю одно: четких планов у друга нет – сначала он мечтает выйти на свободу, а потом уж будет думать о будущем.

– Ну, тогда слушай сюда. Тут на днях от одного товарища (имени называть не буду) поступило деловое предложение. Требуется обсудить и по возможности быстренько дать ответ.

Илья подсаживается поближе:

– Излагай.

На рассказ о таинственном предложении Баркова уходит не более десяти минут. Еще столько же обескураженный Супрун приглушенным голосом выясняет подробности. Потом молча распечатывает блок сигарет, потрошит верхнюю пачку и закуривает…

– И хочется, и колется, – чешет он коротко остриженный затылок. – Знаешь, я всегда гордился службой, образованием, офицерскими погонами, причастностью к морской пехоте, к спецназу. Вроде всю сознательную жизнь занимался серьезным делом: воевал, рисковал жизнью; одного сухпая сожрал не меньше тонны – язву в итоге заработал… В общем, справно долг перед государством исполнял! А теперь скучная серая жизнь, заквашенная на нищете, – даже перед женой и детьми стыдно. И очень хотелось бы поправить эту несправедливость. Но, с другой стороны, сидеть тут осталось полтора понедельника. Если поймают – за побег еще лет пять впаяют, и не сюда привезут отбывать, а сошлют в настоящую зону, под автомат.

Да, все правильно. Наша жизнь – всего десять лет свободы: семь до школы и три после выхода на пенсию.

Сжимаю его крепкую ладонь:

– Понимаю, Илюха. И спорить не стану – тут есть над чем подумать. В общем, давай поступим так, – передаю другу простенький сотовый телефон, – держи – это еще один подарок. Как примешь решение, выбери удобный момент и бряк-

ни мне пару слов. Только времени у тебя ровно сутки – извини, дольше ждать не могу.

– Послушай, Аркадий… А если у тебя не получится собрать команду? Что будешь делать?

– Сам возьмусь. В одиночку. Другого выхода у меня нет.

* * *

Машину Барков дал.

Он вообще производил впечатление человека положительного, серьезного, не бросавшего слов на ветер. Стоило мне согласиться участвовать в секретной операции, посвятить его в свой план и заикнуться о деньгах, как тот немедля выложил нужную сумму: и на сотовый телефон, и на гостинцы для Супруна, и на проезд. С той же скоростью обеспечил и автомобилем – бежевым «жигуленком» шестой модели. Стареньким, непрезентабельным, но рабочим, с чистыми документами и с заправленным под заглушку бензобаком.

На один из цементных заводов под Новороссийском я ехал со странным чувством. Каких только задач не приходилось выполнять в былые времена! При этом всегда ощущал за спиной властную поддержку государства в виде официальных приказов, тщательно подготовленных штабистами карт, письменных боевых распоряжений… Да, Барков обмолвился о боевом распоряжении, но до сих пор о предстоящей операции я не знал ровным счетом ничего, кроме

необходимости набрать небольшую команду профессионалов. Пусть и бывших, но профессионалов. «Такое чувство, будто записался в партизанский отряд. Или в банду», – кручу баранку, сворачивая с трассы на Орловскую улицу Верхнебаканского рабочего поселка.

Впереди виднеются старые корпуса цементного завода, расположенные по обе стороны железной дороги и бегущего параллельно ей шоссе. Если бы не завод, то небольшой населенный пункт вполне сошел бы за обычный дачный поселок: узкие улочки, одноэтажные домишки, засаженные фруктовыми деревьями участки. Притормозив у отдельно стоящего кафе, я глушу двигатель и неторопливо закуриваю…

После свидания в колонии-поселении Супрун раздумывал недолго. Позвонив ночью того же дня, он сообщил о согласии и коротко рассказал, где и когда удобнее сдернуть из-под наблюдения контролеров. В общем-то, по признанию подрывника, сбежать труда не составит: его бригаду каждый день возили на цементный завод, где за работой приглядывал единственный и безоружный сотрудник колонии. На том и остановились: я прихватываю нормальную одежду, приезжаю к условленному часу в Верхнебаканский поселок и жду приятеля возле кафе с подходящим названием «Встреча».

Илья появляется минут через пятнадцать. В черной рабочей робе, перепачканной белесой пылью; запыхавшийся от быстрого бега, он выныривает из-за кафе и прямиком устремляется к машине. Плюхнувшись на заднее сиденье,

бросает:

– Готово!

– Переодевайся, – трогаю в сторону шоссе.

Когда старенькая «шестерка» выруливает на трассу, облаченный в джинсы и футболку Супрун уже завязывает шнурки кроссовок.

– Порядок. Прижмись к обочине – выброшу казенные шмотки.

Роба и кирзовые «гады» летят в придорожную канаву.

Машина резво несется по трассе на северо-восток – в Славянск-на-Кубани. Там проживают мои дальние родственники, и именно у них я рассчитываю спрятать на первое время друга.

Мы довольны удачным побегом, смеемся, шутим, однако через тридцать минут планы приходится корректировать. Когда позади остается Крымск, я замечаю сзади две милицейские машины.

– Уж не за нами ли? – поглядываю в зеркало.

Оглянувшись и увидав две иномарки с синими полосами и включенными мигалками, подрывник волнуется:

– Не может быть. Слишком оперативно для Минюста и МВД. Уверен, меня еще на заводе не хватились!

– В таком случае не стоит дергаться. Спокойно едем дальше, не нарушая правил движения.

Так мы и поступаем: «шестерка» слегка сбрасывает скорость и прижимается к обочине, уступая дорогу куда-то спе-

шащим сотрудникам милиции. Однако те, догнав «жигуленок», внезапно берут его в клещи.

– Ясно, – вдавливаю в пол педаль газа. – Держись, Илюха, начинается ралли!..

Глава пятая

Краснодарский край
18–23 июля

Старенький движок надрывно ревет, «шестерка» послушно летит вперед, и я благодарю про себя Баркова за то, что не подсунул полудохлую двадцатилетнюю рухлядь. Справа мелькают строения станицы Троицкой, а стометровый мост через Кубань мы пролетаем в три секунды.

– Не отстают, сучары, – оглядывается Супрун.

– Я вот что думаю, Илья. Впереди голая степь – там уйти не получиться. Надо бы поворачивать на юг – к побережью.

– Поближе к лесам?

– Точно. А там бросим машину – и в отроги. Хрен они нас в горах возьмут!

– Толково. Тогда сворачивай перед Славянском вправо на грунтовку – по ней через плотину идет дорога на Абинск. А от него до берега сплошные леса.

Однако до названной грунтовки доехать не получается – навстречу со стороны Славянска уже несутся наперехват несколько легковых автомобилей. И, дабы опять не оказаться в клещах, я решительно кручу руль вправо.

«Шестерка» резво скачет по колее вдоль перепаханного поля, оставляя за кормой клубы желтой пыли.

– Ничего из-за пыли не вижу. Где они? – спрашиваю дру-

га, не отрываясь от дороги.

– Висят. Приотстали немного, но висят, – отзывается Илья. И добавляет: – «Калаш» бы сюда – все проблемы враз бы решили.

– Ого! Так за это не пяток, как за побег, а все двадцать впаяют!

– Чего теперь считать-то? Пять, десять, двадцать… Поздно, Аркаша, пить боржом! Нас в Калининграде прожженные подрывники знаешь, как учили? «Боишься – не высовывайся. А взялся – доводи до конца!»

Бело-голубые иномарки прыгают на бездорожье, бьются днищами об ухабы, и «шестерке» удается немного увеличить отрыв. Но на асфальтовой трассе преследователи снова нас нагоняют, и мне приходится выжимать из движка все, на что тот способен…

В Абинск заезжать не стали. Проскочили небольшую рощицу, пронеслись пару километров вдоль узкого ручейка и помчались прямиком к торчавшим над горизонтом горным пикам – западным отрогам Большого Кавказского хребта. Обоим сейчас не до тонкостей дальнейшего плана действий. Главное – добраться до густых лесов, а там будет видно. Не один год повоевали в горной Чечне и не раз попадали в переплеты. А там приходилось иметь дело не с мальчишками из городских отделов милиции, а с настоящими и хорошо подготовленными к войне боевиками.

– Еще посмотрим, кто кого, – плотнее сжимаю руль.

Абинск остается сзади и слева; за окнами мелькают садовые участки – до леса рукой подать. И вдруг с плотины, перегораживающей мелкое озерцо, один за другим на проселок выползают три зеленых «уазика». Выползают перед самым носом – я даже не успеваю понять, куда повернуть, дабы избежать столкновения. Лишь инстинктивно нажав тормоз, кричу:

– Держись, Илюха!

* * *

Протараненная «УАЗом» бежевая «шестерка» несколько раз переворачивается и остается лежать на боку.

Ударившись во время кульбитов головой об стойку крыши, я с трудом улавливаю смысл дальнейших событий. Кто-то выволакивает меня и матерящегося Супруна из покореженного салона, бросает на пыльную обочину проселка, замыкает на запястьях наручники. Потом нас грубо впихивают в темное нутро грузовой будки и куда-то везут…

Едем долго и без остановок.

Лежу на боку, изредка приподнимаю голову – оглядываюсь на двух бугаев в камуфляже, сидящих возле единственного зарешеченного оконца в двери. Говорить с ними бесполезно, потому, утерев плечом сочившуюся из рассеченной брови кровь, снова отворачиваюсь к замызганной и ржавой стенке сварной «конуры».

Сапа ворочается рядом. Вздыхаю, представив его состояние…

О чем он сейчас думает? О тех девяти месяцах, что оставались до выхода на свободу и о внезапном свидании с армейским товарищем, разом перечеркнувшем все благие надежды? Или о том, как глупо попался, не успев и часа побыть на воле? Или же о странном появлении ментов, так расчетливо и оперативно сработавших на трассе?..

Да, последняя странность изрядно удивляет и меня.

Во-первых, слишком быстро хватился беглеца контролер.

Во-вторых, с трудом верится в то, что, узнав о побеге, начальство колонии с той же умопомрачительной скоростью организовало погоню и выставило перехваты даже на проселочных дорогах. Откуда взялась такая прозорливость? Отчего извечно неповоротливые чиновники вдруг проявили расторопность? Откуда, наконец, столько отмобилизованных сотрудников и транспортных средств?

Вопросов много. Ответов – ни одного.

…В последний раз качнувшись на кочке, грузовик останавливается, снаружи звякает замок. Нас ослепляет ворвавшееся внутрь будки яркое летнее солнце. Но ненадолго – бугаи заставляют спрыгнуть вниз и, пригнув обоим головы, ведут под руки по обширному замусоренному двору. Боковым зрением замечаю серые бетонные корпуса, похожие на заводские. На территории повсюду разбросаны рельсы, шпалы, остовы полуразрушенных механизмов, бурыми пятнами

разбавляющие пыльную зелень бурьяна.

С тягучим скрипом открывается металлическая створка ворот. Толчок в спину; цементный пол огромного цеха; настораживающая тишина.

Десяток ступеней вверх по куцым ступеням лестницы; двадцать шагов по узкому внутреннему балкончику и поворот в длинный коридор. Слева и справа бесконечные двери.

Это бывшие мастерские или заводоуправление.

– Лицом к стене! – раздается команда в конце коридора. И Супрун беззвучно вздыхает, узнавая жаргон сотрудников охраны следственного изолятора.

Я послушно поворачиваюсь, и пока один из провожатых ворочает ключом в замке, изучаю пятна облупившейся масляной краски, сквозь которые проглядывает штукатурка, а местами и кирпичная кладка.

– Пошел! – снова толкают в спину.

Один коридор сменяется другим – темным и с сильным запахом застарелой плесени. Сбоку и сзади вспыхивают лампы фонарей…

«А вот это уже интересно!» – недоумеваю, когда приятеля закрывают в одной темной келье, а меня ведут дальше и водворяют в другую.

Слабый свет пробивается в щель между дверью и косяком. Осторожно исследую помещение: четыре шага в ширину и шесть в длину; глухие бетонные стены. На полу пыль и мусор. А вокруг противный кисловатый запах и жуткое без-

молвие…

* * *

Ровно сутки мы сидим взаперти в разных клетушках, приспособленных под камеры. Сидим в темноте, без воды и кормежки и к тому же с наручниками на запястьях.

На следующий день в келью входят молчаливые крепкие ребята и минут десять обрабатывают меня, со знанием дела нанося болезненные удары по суставам и внутренним органам. Стиснув зубы, стараюсь терпеть, лишь изредка выдавливая стоны. Похожие звуки доносятся из коридора – оттуда, где пребывает Илья.

Часом позже под потолком зажигается лампочка, распахивается дверь, и в келью заходят истязатели в компании седовласого мужика в темном штатском костюме. Тот задает несколько вопросов, касающихся моего знакомства с сотрудниками ФСБ. Вопросы недвусмысленно намекают на Баркова и на запланированную им операцию.

Прикидываюсь наивным дурачком – дескать, знать ничего не знаю.

Седой мужик криво усмехается, кивает подчиненным, и те опять принимаются меня дубасить.

Я решительно ничего не понимал.

То есть я догадывался, что в облаве на дороге принимали

участие спецслужбы. Именно они в трех «УАЗах» выскочили на перехват и протаранили «шестерку». Они же отшили подъехавших на иномарках ментов и, запихав нас в будку, повезли в заброшенную промзону. Но откуда столь внезапно появились фээсбэшники?!

Вывод напрашивался один: они не первый день сидели у меня на хвосте, а взять решили после побега Супруна.

Вторая и не менее важная проблема вырисовывалась после допроса: согласившись работать на Баркова, я, вероятно, попал в эпицентр противоборства двух служб одной «конторы». Короче говоря, оказался между молотом и наковальней. И выхода из этого дурацкого положения не видел, поскольку не знал тонкостей и особенностей работы службы безопасности.

И, наконец, третья загадка: почему нас привезли и держат в этой заброшенной промзоне? Почему допросы происходят здесь, а не в следственном изоляторе или не в Управлении ФСБ Краснодарского края? Уж не потому ли, что приговор нам уже вынесен и остаться в живых не светит?

Лежа на холодном цементном полу и ощупывая ноющие суставы, я очень сожалею о том, что Станислав не предупредил о подобных ситуациях – не научил, как себя вести, не подсказал, о чем можно говорить, а о чем нельзя. Чертовски жаль и Супруна. Получается, я вынудил друга совершить побег и втянул в авантюру, выхода из которой не видно. Через девять месяцев Илья спокойно вышел бы на свободу, вер-

нулся бы к семье и зажил привычной жизнью. Отныне же перед нами маячили туманные перспективы: в лучшем случае засадят обоих за решетку. В худшем…

А вот о худшем думать совсем не хотелось.

Из моих карманов при обыске вытащили все, кроме таблеток – небольшая упаковка нитроглицерина осталась в заднем кармане брюк. Иногда после побоев сердце прихватывало; дрожащими пальцами я выковыривал крохотную таблетку и закидывал ее в рот. Отпускало, но спасительного снадобья оставалось немного.

Спать не давали: плечистые ребята появлялись в келье каждый час. После десятиминутной обработки поили из фляжки водой и молча удалялись, оставив включенным свет. Так продолжалось несколько суток. Впрочем, счет времени я скоро потерял.

Седовласый мужик тоже навещал регулярно и задавал одни и те же вопросы. Хотя некое разнообразие в монологи все же привносил: пару раз, останавливаясь в дверях, цедил: «Будешь упрямиться – исчезнешь без следа. Закопают в подвале этого цеха, и никто никогда о твоей смерти не узнает…»

Утерев рукавом ветровки кровь, стекающую из разбитого носа, сажусь, прислоняюсь к стене… Из-за двери доносятся уже не сдавленные стоны, а крики Ильи. Словно, из него тянут жилы.

«Черт. У Илюхи серьезные проблемы с желудком. Язва и еще что-то… – с горечью подумалось мне. – А эти уроды в

первую очередь метят по требухе. Суки!»

Приблизительно на пятый день в келью решительно входит седой мужик и швыряет одежду Супруна. Футболка с джинсами насквозь пропитаны кровью.

– Я не силен в медицине, но, по-моему, у твоего друга открылась язва – вторые сутки изо рта хлещет кровь, – извещает он с холодной усмешкой. И, пожав плечами, добавляет: – Своим тупым молчанием ты оказываешь ему медвежью услугу. При таком раскладе он не протянет и суток. Подумай.

Поднимаюсь. Действительно, пора подумать о друге.

– Наручники сними. Задолбался уже член из трусов двумя руками доставать.

Мужчина бросает подручному ключ, тот проворно снимает «браслеты».

Усмехаюсь, разминая затекшие плечи:

– Сколько добрых и полезных дел можно совершить под угрозой простого шантажа!

– Если бы ты не упрямился, мы давно бы договорились.

Осторожно трогаю разбитые губы.

– Дай мне слово, что сразу отвезешь Супруна в больницу.

– Обещаю, – кивает седой мужик.

– Тогда слушай…

Глава шестая

Краснодарский край, станица Северская
23 июля

Я говорю тихо, но торопливо и четко, чтоб товарищу как можно скорее оказали медицинскую помощь.

А потом происходит то, чего я не мог представить даже во сне.

Стоило произнести звание и фамилию Баркова, как дверь открывается и в келью заходит сам Станислав.

Я буквально теряю дар речи, а он подходит вплотную и мрачно произносит:

– Извини, но проверку ты не прошел.

– Проверку?! – изумленно переспрашиваю я.

– Да. Это была обычная проверка. И не более, – подтверждает он и, обернувшись, приказывает: – Приведите второго.

В коридоре слышатся шаги. В дверном проеме появляется Илья – живой и невредимый – без единого следа от побоев. Вздохнув, он виновато разводит руками.

Я в отчаянии.

Полковник обходит вокруг меня.

– Поначалу ты неплохо держался. Но стоило применить несложный психологический прием, и ты сломался. Извини, дружище. Мне нужны люди, способные выполнить задание,

невзирая ни на что. Не знающие ни эмоций, ни жалости, ни прочих душевных слабостей.

На минуту в келье повисает тишина.

– И что же теперь? – спрашиваю Баркова.

– Ничего. У входа в цех стоит бежевая «шестерка». Мы успели ее восстановить; документы оформлены на тебя и лежат в бардачке. Там же находятся все твои вещи: телефон, паспорт, права, бумажник… И небольшая сумма денег. Увы, Аркадий, это все, что я могу предложить.

– А как быть с Ильей?

Станислав переглядывается с седым мужчиной.

Тот пожимает плечами:

– Пусть где-нибудь отсидится, а мы за недельку попробуем сделать паспорт на другое имя. Но потом он обязан исчезнуть из Краснодарского края.

– Такой вариант устраивает?

– Куда ж деваться – устраивает, – отвечает Супрун.

– Значит, договорились. Как только будет готов паспорт – позвоню. И последняя просьба: забудьте навсегда о нас и обо всем, что произошло. Это необходимо для вашей же безопасности.

* * *

От быстротечности сменявшихся событий я даже забываю спросить, где находилась эта чертова промзона. Уже усев-

шись в легковушку и вырулив за ворота, прихожу в себя – верчу головой. Но по обе стороны от узкой асфальтовой дороги стелется только густой лес.

– Черт с ними, езжай. В ближайшей деревне у кого-нибудь спросим, – ворчит Илья.

И у него настроение неважнецкое: то ли успел настроиться на участие в загадочной миссии, то ли переживает за меня. Ведь теперь операция на позвоночник Ирины снова откладывается на неопределенный срок. Похлопав по карманам джинсовой куртки, видимо подаренной фээсбэшниками взамен перепачканной чьей-то кровью футболки, он достает сигареты…

– Какой сегодня день?

– Вторник.

– Пять суток продержали! – стучу в бешенстве по рулевому колесу. – И ради чего?! Посмотри, кстати, сколько нам ссудили денег.

Супрун открывает бардачок, достает целлофановый пакет с документами, находит пачку купюр, пересчитывает…

– Тридцать тысяч.

– Не густо.

– За продажу машины тоже больше тридцатника не выручишь – старье, да еще битое. Итого шестьдесят. А сколько нужно отвалить за операцию Ирины?

– Двести тысяч авансом, а остальные – в день выписки.

– И сколько же набежит всего?

– В договоре значится общая сумма в триста сорок тысяч. А сколько выйдет в итоге – они сами не знают.

– Дожили! Кто ж сегодня у них лечится? Небось одни олигархи да чиновники. А простым – подыхать или на коляске инвалидной ездить.

– Именно так.

– О, леса кончаются. И вроде шоссе впереди. Видишь?

– Да.

Сапа вдруг оживает:

– Слушай, нам все равно придется останавливаться в ближайшем населенном пункте. Верно?

– Ну.

– Давай пожрем в какой-нибудь кафешке! Меня, конечно, не лупили, как тебя, но нормальной жратвой тоже не баловали. Принесут коробку молока с батоном, и растягивай удовольствие на целый день!

Мой желудок давно отправляет матерные посылы в мозг, поэтому я легко соглашаюсь.

– Давай.

Притормаживаю перед шоссе. На синем указателе под стрелкой влево значится надпись «Азовская», под стрелкой вправо – «Северская».

– Понял, где мы находимся? – шумит Супрун.

– Где? Я тут ни разу не бывал.

– От Северской тридцать километров до Краснодара. Шоссе через нее идет от Крымска, помнишь?

Киваю и кручу руль вправо…

Пообедать останавливаемся в Северской – большой станице, раскинувшейся на берегах узкой речушки Афипс. Двух– и трехэтажные кирпичные здания с магазинами и кафе находятся лишь в центре, остальные кварталы сплошь состоят из участков с одноэтажными частными домишками.

Оставив машину на небольшой площади перед торговым центром, направляемся в ресторанчик, заманивающий клиентов ароматным запахом жарившегося шашлыка…

Резкий хлопок доносится с улицы, когда мы покончили с сытным наваристым борщом и принялись за шашлык.

«Плевать! – закатываю глаза и жую сочное мясо. – Отныне все по хрену! Стреляет там кто-то или камеры колес у кого-то лопаются!..»

«По фигу, кто там палит – лишь бы не по мою душу!» – запивает шашлык холодным пивом Супрун.

Однако наши схожие мысли прерываются появлением в ресторанчике запыхавшейся дородной тетки.

– Ой, Нин, что творится-то! – кидается она к драившей тряпкой стол официантке – плотной и крутобокой казачке. – Мало нам по телевизору всяких ужасов кажут, так и до нашей станицы докатилось!

– Что случилось-то? – лезут у той глаза на лоб.

– Машина на площади взорвалась! «Жигули» бежевой масти! Вся горит, полыхает… пламя аж выше деревьев.

Мы с Ильей разом перестаем жевать и смотрим друг на друга.

– О, господи! А люди-то не погибли? – расспрашивает казачка по имени Нина.

– Не знаю. Как бухнуло – я сразу к тебе. От греха подальше…

* * *

Сохраняя внешнее спокойствие, рассчитываемся за обед. Покидаем ресторан и подходим к площади, где уже стоят две пожарные машины и поливают то, что осталось от нашей «шестерки».

– Давай-ка поглядим отсюда, – вынимаю сигареты.

Занимаем неплохую позицию за углом торгового центра и, покуривая, издали наблюдаем за сутолокой возле обгоревшего автомобильного остова. Помимо пожарных «ЗИЛов», к месту происшествия подъезжает несколько милицейских легковушек и одна белоснежная «Газель» с красным крестом на боку.

– Какие мысли? – невесело интересуется Супрун.

– Нет уж, брат, – давай для начала сам просвети насчет взрыва. Как специалист.

– А что тут просвещать? Видишь, где валяется водительская дверца?

– Вижу. На газоне – метрах в десяти.

– Точно. И звук был достаточно громкий. Но это оттого, что площадь плотненько окружена зданиями и деться ему некуда – потому и метался эхом. Думаю, заряд долбанул небольшой, аккурат рассчитанный на воспламенение бензина, а не на разнос машины на наперстки – максимум одна стограммовая тротиловая шашка. И установлена она была в салоне – скорее всего, под сиденьем, потому что крышка капота на месте, а крышка багажника искорежена полыхнувшим бензином, но не оторвана взрывной волной.

– А чем заряд приведен в действие?

– Полагаю, обычным таймером. Механическим или электрическим – в данном случае без разницы. Чтобы определить точнее, нужно покопаться в железе. Вернее, в его остатках. Ну, а ты что скажешь?

– Даже не знаю, что и думать.

– Ты все еще надеешься на порядочность своего знакомца из ФСБ? Напрасно-напрасно.

– Илюха, если бы они хотели отделаться от нас как от свидетелей, то хлопнули бы в пром-зоне. И закопали бы в подвале цеха – как обещал седой фээсбэшник. На кой черт им усложнять себе жизнь и городить глупости: подкладывать в машину тротил, отпускать нас и устраивать фейерверки с риском засветиться? Зачем им хроники в теленовостях, уголовные дела и прочий шум?

– Ладно, – швыряет Супрун окурок, давая понять, что подобные вопросы находятся вне сферы его понимания. –

Оставим им право быть идиотами.

Торопливо докуриваю сигарету, размышляя о дальнейших действиях…

Хотелось бы побыстрее выбраться из станицы, а для этого требуется попасть на северную окраину – туда, где проходит траса Новороссийск – Краснодар. Однако после взрыва автомобиля к Северской наверняка стягиваются дополнительные милицейские наряды. С минуты на минуту они получат приказ тормозить каждого для выяснения личности. О себе я не думаю – мои документы с краснодарской пропиской в полном порядке. А вот для Сапы любая проверка станет роковой – первый же сотрудник правоохранительных органов спровадит в ближайшее отделение, а оттуда прямиком в СИЗО краевого центра.

И словно в подтверждение мрачных догадок замечаю бойкий старт разъезжавшихся с площади серо-синих «уазиков». Их примеру следуют и несколько пеших патрулей, быстрым шагом расходившихся в разные стороны.

– Так, Илюха, вспоминаем юность – берем ноги в руки и мотаем отсюда, – подталкиваю товарища к проулку.

Легкой трусцой минуем пару безлюдных кварталов. На перекрестке сбавляем темп, вертим головами и одновременно замечаем подруливший к проулку ментовский автомобиль. Тот мигает фарами и дважды ойкает густым сигналом, недвусмысленно предлагая тормознуть. Прикинувшись шибко занятыми людьми, мы не реагируем. А зайдя за угол,

включаем максимальную скорость и рвем дальше.

«УАЗ» поворачивает за нами; противный металлический голос из встроенного мегафона оглушает тихие кварталы приказом остановиться. Ответом служит наш отборный мат и истошный лай десятка собак…

Мы бежим, уже не таясь. Бежим, не зная, куда ведут проулки и что ждет впереди.

А впереди очень скоро появляется еще один ментовоз – белая «пятерка» с красно-синими мигалками на крыше. Между нами остается метров двести, и это небольшое пространство включает в себя очередное пересечение с таким же проулком. Но успеем ли мы добежать?

Предлагаю запыхавшемуся Илье:

– Давай через забор! А там по участкам – на соседнюю улицу.

Обширные земельные участки в станице закрывались от посторонних глаз в основном приличными по высоте и крепости кирпичными заборами, а тот, что тянулся слева, был ветхим деревянным штакетником.

Перемахиваем через несерьезную преграду. Илья пинает заливавшуюся злобой мелкую псину и пускается вслед за мной к противоположной стороне участка.

– Суки… Сейчас свяжутся по радио с остальными и обложат нас здесь, как волков флажками!.. – мешаю слова с тяжелым дыханием.

– Да… неслабо мы попали… – ворчит в ответ подрыв-

ник. – Мало того что в собственной машине чуть не сгорели, так еще и в террористы запишут!

Выбравшись на соседнюю улочку, мы повторяем успешный маневр – перелазим через очередной забор и вновь пересекаем два граничащих меж собой участка. Потом бежим вправо, выдерживая общее направление на север – к шоссе на окраине станицы.

Проулок пуст. Забрезжила надежда: неужели оторвались?

Однако надежда тлела лишь до второго перекрестка. Слева к нему на всех парах топали четыре вооруженных автоматами милиционера, справа прыгала на ухабах уже знакомая белая «пятерка». А навстречу внезапно вывернула темная иномарка с тонированными стеклами, также, вероятно, задействованная в облаве.

Не сговариваясь, поворачиваем назад.

Кто-то из ментов орет: «Стоять!» и дает вверх короткую очередь. Округа тонет в собачьем лае; сотни голубей, захлопав крыльями, взмывают в небо.

Нам наверняка удалось бы воспользоваться опробованным приемом: сигануть через забор и хотя бы на короткое время затеряться средь садовых участков. Но иномарка вдруг резво прибавляет скорость – прокрутив шинами по грунту, поднимает клубы пыли и, поравнявшись с нами, резко тормозит.

Задняя левая дверца распахивается, а сидевший за рулем мужчина кричит:

– Садитесь! Быстрее садитесь!!

Размышлять некогда, а выбирать не из чего.

Оба плюхаемся на заднее сиденье, и авто несется вдоль бесконечных и разномастных заборов, лихо вписываясь в крутые повороты. Кажется, водитель не походит на офицера милиции и сдавать властям нас не намерен. Толком разглядеть его из-за высокого подголовника не получается. Я вижу лишь синюю бейсболку, край аккуратной черной бородки, да затемненные стекла солнцезащитных очков…

«Какая нам, к черту, разница – кто он и откуда? – облегченно вздыхаю я, когда иномарка вылетела за пределы станицы, а впереди показалась спасительная трасса. – Наша «доблестная и честная» милиция сама виновата в том, что в стране ее не уважают, и не прочь оказать помощь тем, кого она преследует. Ничего удивительного!»

Водитель хранит молчание, а у выезда на шоссе, вопреки ожиданию, не останавливается, даже не интересуясь, куда подбросить спасенных пассажиров. Он уверенно поворачивает вправо, и машина, набирая бешеную скорость, несется к Краснодару.

– Шеф, спасибо большущее, – кладу руку на плечо мужчины, – но нам в другую сторону. Притормози здесь, пожалуйста.

Не сбрасывая скорости, тот снимает бейсболку и очки, отклеивает от лица бороду. И обернувшись, смеется:

– Нет уж, Аркадий, извини! Нам теперь с тобой долго

ехать в одном направлении.

Часть II
Большая стирка

Пролог

Абхазия
Август 1992 года

Взрыв и стрельба внизу у реки стали неприятным сюрпризом, однако катастрофы в этом ни я, ни мои товарищи не увидели. Ну, нарвались «волонтеры» Савельев с Кузьминым на дозор, а, может быть, и на целый взвод грузинской армии – что ж, иногда и не такое случается в нашей работе.

Всматриваясь в заросли и слушая тишину, я с полминуты гоняю желваки на скулах. Послать половину группы в лесочек? Или же, рассредоточившись, подняться всем? Но засевшие там ребятки именно этого и ждут. И встретят «с оркестром» – сомнений быть не может. Они отлично понимают: появление в здешней глухомани российского спецназа не связано с масштабной войсковой операцией, иначе бы в небе кружили «крокодилы» и «грачи», по ущелью вдоль речушки пылила бы тяжелая техника и топала бы пехота. А небольшие группы всегда используются точечно. Все эти тонкости грузины давно знают, потому и ведут себя здесь подобно хо-

зяевам…

– Ну что, Аркадий? – шепчет над ухом Супрун. – Действуем по плану?

– Погоди, – мрачно откликаюсь я и опять твержу в микрофон рации: – Сава, что там у тебя? Сава, ответь Сербу!

Савельев с Кузьминым молчат…

Да, сюрприз не стал катастрофой, но головной боли мне добавил.

Прячу рацию в плечевой карман. Ладонь непроизвольно шарит по одежде в поисках сигарет, потом поправляет разгрузочный жилет и успокаивается на рукоятке автомата – курить не хочется. Необходимо срочно принять решение.

Оно практически созрело, и остается его лишь озвучить. Троих я намереваюсь оставить в развалинах для удержания выгодной позиции, с которой отлично простреливался весь склон, за исключением низин и заросших кустами балок. А пятеро других обойдут монастырь по низине с юга и подберутся к проклятым зарослям с другой стороны. Конечно, времени группа потеряет много, но другого выхода нет.

Набираю в грудь воздуха, но меня опережает прапорщик Матвеев. Не отрываясь от оптики прицела, он объявил:

– Внимание, граждане! К нам гости. Вижу троих.

«Гостей» глазастый снайпер узрел на приличном расстоянии.

– Правее, командир. Деревце высокое за ориентир возьми, что из кустов торчит.

– Деревце вижу.

– А правее него залысина без единого кустика. Усек?

– Ну…

– Теперь возьми метров на пятьдесят ближе к нам и ищи. Где кусты пониже, там их головы и мелькают. Видишь?..

Вооружившись биноклем и слушая подсказки Палыча, я наконец замечаю движение вдоль лощинки.

– Слушай, их больше. Те, что ты приметил, – лидеры. А за ними идет основная группа.

Прапорщик водит стволом винтовки и удивленно присвистывает:

– Ни хрена себе!

– Чего там, мужики? – оборачивается от пролома в соседней стене Супрун.

– Да так, Илюха. Одна новость «приятней» другой.

– Сколько?

– Двенадцать насчитал. И еще прут.

Оглядев своих подчиненных, прячу рацию. Ситуация вызревает скверная: до десантного корабля из ущелья не докричаться, стало быть, подкрепления не будет. А раз так, то и поиск пропавшего генерала в складывающихся условиях повисает в воздухе. Кто будет его искать, если сейчас из проклятого лесочка выйдет не отделение, не взвод и даже не рота, а батальон или бригада хорошо вооруженных грузинских бойцов? Конечно, нас тоже набрали не из продленки, но всему имеется разумный предел.

Однако деваться некуда. Подкинув автомат, ловко перехватываю его правой рукой.

– Вы, парни, – киваю на молодых контрактников, – контролируете западное направление и конкретно балочку, по которой мы взошли сюда от реки в ущелье. Запомните: балочка – наше спасение, по ней можно мотануть вниз, если здесь сильно прижмут. Ну, а нам, мужики, придется поработать, удерживая развалины. Возражения имеются?

– Я не против, – передергивает затвор автомата Супрун.

– А чего тут возражать-то? – облизнув большой палец, поправляет регулятор прицела прапорщик. – Дело привычное.

– Работать так работать – я всегда «за», – поддерживает товарищей неунывающий Борька Куценко.

Юрка Белый осторожно выглядывает в пролом восточной стены и молчит. Но, вероятно, затылком почуяв выжидательные взгляды друзей, ухмыляется:

– А я что? Я на все согласен – были бы деньги!

Атаки снизу мы не опасались – наши развалины отделял от дна ущелья чистый склон – на нем ни выбрать позиции, ни спрятаться от прицельного огня. Одна лишь мелкая балочка, по которой мы поднимались сюда.

Зато группировавшиеся на краю лесочка грузины изрядно беспокоили. Им незачем было вплотную подходить к нашему укрытию – метрах в двухстах низинка заметно расширялась, образуя подобие котловины, заполненной мелкими деревцами и кустарником. Чем не позиция? Расползутся по

ней как муравьи, растворятся в зеленке – не сосчитать, не определить огневых точек. Тут не помогут ни бинокли, ни орлиное зрение снайпера. Только и останется лупить наугад.

Вначале грохнули выстрелы гранатометов. Один, второй, третий… Первый заряд долбанул точно в угол строения, следующий прошел выше и ухнул за нашими спинами по склону; последний угодил в падающий кусок стены. Ну а за «артподготовкой» последовала автоматная стрельба – целый град пуль обрушился на белеющие остатки здания.

– Понеслось, – пригнув голову, посмеивается Куценко.

Тряся головой и стирая с лица белесую пыль, Супрун вторит:

– Пусть побеснуются, а нам торопиться некуда.

Осторожно выглядывая, Белый поднимает автомат. Однако Палыч, зная о нехорошей привычке капитана вечно соваться в пекло первым, строго осаживает:

– Погодь, Юрка!

Отложив на время винтовку, он ползает под стеной и кратковременно высовывается, определяя огневые точки. И если удается таковую засечь, немедля оповещает товарищей:

– Левее центрального деревца двадцать. Правее десять – промеж двух высоких кустов…

От щелкавших по камням пуль летят брызги мелкого крошева. Осколки природного стройматериала больно жалят открытые части тела – лица или ладони, а порой рассекают кожу до крови.

– Ну что, командир, не пора ли ответить? – теряет терпение Юрка.

Поглаживая рукоять автомата, я слушаю беспорядочную стрельбу. Перед сменой тактики или очередным этапом она должна самую малость поутихнуть, но пока интенсивность остается прежней.

– Потерпи, Юрок. Еще две минутки потерпи, – успокаиваю коллегу. – Пускай у них злоба наружу вылезет. И боеприпасов поубавится.

И, немного выждав, группа открывает ответный огонь.

* * *

Из громадного потока лжи, непрерывно выплескивавшегося на простых людей с помощью средств массовой информации, выловить крохотные зерна правды было делом практически невозможным. В те далекие дни врали все. Политики, чиновники, военные, журналисты… Грузины заявляли, что внезапный ввод войск согласован с абхазским правительством и осуществлен для контроля над железной дорогой, по которой идут важные грузы из России в Армению. Абхазы верещали об очередной провокации. Русские СМИ истерично сочиняли небылицы о применении грузинской армией оружия массового поражения…

Глава первая

Краснодар
23–25 июля

– Какая, на хрен, проверка?! – рычу и едва не бросаюсь с кулаками на Баркова.

– Спокойно, Аркадий, не кипятись. Обычная и самая заурядная проверка на выдержку, – тот невозмутимо следит за дорогой. – В наше ведомство людям без таковой не попасть. И ты, должен признаться, неплохо с ней справился. Поверь, более трех дней подобной обработки мало кто выдерживает.

– Какого же черта выкобенивался в пром-зоне?

– А к чему нам лишние уши? Извечный закон безопасности гласит: чем меньше посвященных, тем больший шанс на успех.

– Хорошенькое дело! – вмешивается в разговор Супрун. – А тротил в «шестерке»?! Это тоже проверка на вшивость? Или еще какой-нибудь корпоративный закон?

– Нет. Тротил для стирки.

– Чего? – хором переспрашиваем мы. – Какой стирки?!

– Для стирки ваших биографий. Да вы не горячитесь, парни, – примирительно говорит полковник. И добавляет, точь-в-точь повторяя мои доводы: – Какой нам смысл вас убирать или что-то в этом роде? При необходимости давно бы убрали – тихо и без шума. Но смысл в том, что такой необходи-

мости нет: во-первых, вы ровным счетом ничего не знаете; а во-вторых, такими людьми не разбрасываются – настоящие профессионалы нынче на вес золота.

– Ну, так расскажи по порядку! А то ни черта не просекаем в ваших игрищах!

Станислав прикуривает сигарету; включив поворотник, обгоняет вереницу длинных фур. И начинает неспешный рассказ.

– «Шестерку», как вы заметили, успели подремонтировать – выправили кузов, покрасили, поменяли стекла, придали ей внешний лоск. Хорошая с виду машинка, и надо же – без сигнализации! Неплохой вариант для любителей легкой наживы, не правда ли?

Мы уже готовы к чему угодно, а потому слушаем в напряженном молчании.

– Во время ремонта мои люди установили в «Жигулях» взрывное устройство с радиодетонатором. – Обернувшись, Барков кидает Супруну какую-то вещицу: – Вот посмотри – ты же специалист в этом деле…

Тот крутит в руках небольшой, похожий на брелок, пульт с усиком антенны.

– Да, это коротковолновый передатчик.

– Все верно, – кивает офицер ФСБ. – Я выехал за вами с промзоны спустя минут пятнадцать – просчитать желание бывших пленников выбраться на трассу Новороссийск – Краснодар и нормально перекусить в ближайшем ресторан-

чике труда не составило. «Шестерку» я обнаружил припаркованной неподалеку от торгового центра станицы Северской и принялся ждать подходящего момента…

– А потом?

– А потом к ней подрулили два подвыпивших парня, поколдовали минут пять над замком дверцы и уселись в салон с явным желанием угнать.

– Тут-то ты ее и…

– Ну вот, начинаете соображать! – смеется Станислав. – Вы правы – тут-то и была приведена в действие адская машинка. И уж простите за цинизм, но я убил сразу двух зайцев: наказал преступников и закрыл уголовное дело о побеге заключенного Супруна из колонии.

– А если этих придурков опознают родственники? – сомневается Илья. – Их же будут искать.

– Да, некоторое время поищут, но не найдут – трупы уже успеют захоронить. Я подходил к тому, что осталось от машины – там одни угли и головешки. Это, во-первых. А во-вторых, менты быстро установят владельца автомобиля по базе регистрации номерных знаков. И столь же быстро ухватятся за версию относительно второго трупа: Серебров – бывший сослуживец Супруна, накануне приезжал к нему на свидание (это записано в журнале дежурного), и, скорее всего, они обсуждали план побега. После его осуществления несколько дней где-то скрывались, у кого-то раздобыли тротил и задумали какую-то пакость. И вдруг подорвались в соб-

ственной машине в центре небольшой станицы. Чем не замечательная для наших следователей версия?! Так что, все путем, господа. Все путем…

* * *

Он привез нас в краевой центр и поселил на южной окраине – в двухкомнатной квартирке неприметного пятиэтажного дома, стоящего по соседству с железнодорожным вокзалом. Показывая временное прибежище, объяснил:

– Холодильник набит продуктами, есть даже пиво и водка. Вот сигареты; курить лучше здесь, потому что балконная дверь не открывается, дабы вы напрасно не светились перед соседями. Комплекты новой одежды в шкафу; обувь в коробках – в прихожей. Шампунь и мыло в ванной; постельное белье свежее. Телевизор и музыкальный центр исправны, но громкость желательно убавлять до минимальной. Вечером перед включением света не забывайте закрывать шторы. В общем, поживите здесь пару дней: отоспитесь, отдохните, придите в себя. На улицу и в подъезд не высовываться, вести себя тихо – словно в квартире никого нет. Входная дверь бронированная – на звонки не отвечать и никому не открывать; я перед визитом обязательно позвоню по телефону и сообщу точное время прихода.

Осторожно выглядываю из-за плотной гардины на улицу и неуверенно предлагаю:

– Надо бы проинформировать родственников. Они небось на ушах стоят.

– Нет, уже не стоят – мои люди виделись с ними, – собираясь проститься, успокаивает Станислав.

– И что же им сказали?

– Почти правду. Во всяком случае, они знают, что вы живы, и будут молчать ради вашей же безопасности.

Напоминаю:

– Моей жене необходима срочная операция, а я только в промзоне потерял пять дней. Теперь тут просижу взаперти двое суток.

– Не волнуйся – этот вопрос мы решим в самое ближайшее время. И обследовать ее будут не в Новороссийске, а в Краснодаре – в Южном окружном медицинском центре.

Кивнув на прощание, Барков плотно прикрыл за собой массивную металлическую дверь. Появиться он пообещал ровно через двое суток – именно столько времени требуется для изготовления новых документов.

Оставшись одни, мы по очереди отмылись в ванной, приготовили ужин и под отменную закусочку употребили две бутылки водки. Верхнего света не включали – сидели на кухне под маленьким настенным бра и между рюмками негромко вспоминали товарищей. Или размышляли над перспективой предстоящей работы, предложенной Барковым.

– Да… странные мы, однако, люди, – качает головой Супрун.

– Чем же странные? – подливаю холодной водочки.

– Психологи поговаривают, будто повоевавший народец делится на три типа. Больше всего так называемых материалистов, желающих подзаработать, продвинуться по должности, получить звание или орденок. За ним идут игроки, которых привлекает само действо. Им вечно не сидится дома, не живется в миру и покое. Это знаешь, как с терактами или катаклизмами в курортных районах…

– Не знаю. А что там с терактами?

– Ну, рванет в центре какого-нибудь красивого европейского городка бомба. Или цунами пару тысяч отдыхающих с пляжа смоет… Туристы из нормальных стран туда с полгода ни ногой! А наши, наоборот, в очередь в турагентства становятся.

– Понятно. А что представляют собой последние?

– Все остальные – служаки. Этих мало.

– Чем же их привлекает война?

– Они просто выполняют приказы. Думаю, мы как раз к ним и относимся. Делать-то больше ничего толком не умеем. Вот прижала нужда – мы опять готовы с головой в самое пекло.

– Не все.

– В смысле?

– Четверо под твое определение подходят: ты, Палыч, Борька и я. А вот Юрка Белый… сомневаюсь.

– Юрка, скорее, игрок. Смел и азартен был до безобразия.

И большой любитель впрыснуть в кровь адреналинчика.

– Ты прав, дружище. Юрка – особый человек. Был… – поднимаю наполненную рюмку. – Ну, его мы уже помянули. А теперь давай-ка выпьем за удачу. Нутром чую: Барков задумал что-то необычное, и операция будет не из легких.

– Да, удача в этом деле нам не помешает.

А в два часа ночи, опустошив вторую бутылку, мы отправляемся на боковую. И спим мертвецким сном до обеда следующего дня…

* * *

– У вас не будет имен, но беспокоиться по этому поводу не следует. Поверьте, безличие гораздо лучше – вы сами скоро в этом убедитесь. Никто и никогда не должен знать о том, что вы связаны одной веревочкой с правительством, оплачивающим вашу работу.

– В чем заключается работа?

– Видите ли… иногда возникают нехорошие ситуации, чреватые неприятностями для правительства: компроматом или другими нежелательными политическими последствиями. В таких случаях приходится действовать быстро, максимально эффективно и, увы, – вне рамок закона. Нет, делать из вас «группу коррекции здоровья», как цинично называют своих профессиональных убийц руководители ЦРУ, мы не собираемся. Самые грязные обязанности вам выполнять не

придется. Работа будет почище…

«Мля, так много говорит, а в итоге ничего конкретного! – удивляюсь про себя, потягивая из большой кружки растворимый кофе. – Битый час размазываем дерьмо по стенам, а толку – ноль».

– …Механизм предельно прост, – продолжает Барков, развалившись в кресле. – Свыше по цепочке поступает приказ – и, заметьте, не прямо, а через несколько инстанций. Или звеньев – как вам угодно. Каждое звено контактирует лишь с теми, кто находится на ступень выше и на ступень ниже; проследить всю цепочку практически невозможно. Данное правило также исходит из соображений безопасности. Итак, о деле…

«Наконец-то! – разом допиваю кофе и хлопаю донышком кружки по журнальному столику. – Наконец-то сейчас услышим то, ради чего целую неделю живем в подвешенном состоянии».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.